

IN MEMORIAM

Юрий Михайлович Лесман (1954–2013)

В ночь на 23 февраля 2013 г. ушел из этой жизни Юрий Михайлович Лесман — эрмитажник, археолог, градозащитник, антифашист. Он пришел вечером домой, поужинал, прилег. И — не проснулся. Остановилось сердце. После него осталось полторы сотни опубликованных работ, два десятка статей, в разной степени подготовленных к печати, практически завершенная монография. Осталась любимая и любящая жена, остались друзья и ученики. Осталась память об удивительно добром человеке, талантливом ученом, неспясаемым борце с подлостью и несправедливостью.

Юрий Михайлович Лесман (друзья и коллеги обычно называли его «Лесман») родился 17 января 1954 года в Ленинграде. Интерес к археологии проявился рано: в 60-е годы Юра занимался в школьном кружке при кафедре археологии ЛГУ, посещал славяно-варяжский семинар кафедры, читал научную литературу в библиотеке ЛОИА (ныне — ИИМК РАН), прогуливал уроки в школе ради участия в археологических конференциях, ездил в экспедиции. Уже в те годы проявилась ярко выраженная способность к научному творчеству: школьником Юра составил картотеку древнерусских курганов Верхневолжья, и материалами этой картотеки он пользовался затем на протяжении десятилетий, постоянно пополняя ее сведениями о вновь раскопанных погребениях.

Очевидно, что после окончания школы прямой путь был на кафедру археологии. Но приснопамятный *пятый пункт* закрывал дорогу на «идеологический» исторический факультет ЛГУ. Лесман подал документы в Ленинградский государственный политехнический институт. То, что он решил поступать в технический вуз, а не, скажем, на истфак Герценовского института, где *пятый пункт* помехой не был, произошло не случайно: Юра закончил знаменитую «тридцатку» (ленинградскую математическую школу № 30) и, в любом случае, собирался одновременно с учебой на кафедре археологии посещать также и занятия в техническом вузе — его интересовало применение методов точных наук в археологии. Ну что ж, будет в обратном порядке, решил он, и все годы учебы

в Политехе полулегально посещал занятия на кафедре археологии (именно тогда мы с ним и познакомились), так что к моменту получения диплома был неофициально прослушан также полный курс истфака. В эти же годы сформировался интерес к материальной культуре средневековой Руси и проблемам хронологии древнерусских вещей (прежде всего — украшений) — тем самым темам, которые в дальнейшем станут основными в научном творчестве Лесмана.

После окончания Политехнического института (1977) Лесман несколько лет работал по распределению в вычислительном центре Центрального котлотурбинного института. При этом он продолжал активно заниматься археологией — проводил разведки и раскопки в Ленинградской и Калининской (ныне — Тверской) областях, участвовал в конференциях, публиковал первые статьи. Помню, как одну из наших совместных публикаций мы дописывали у него на работе — в комнате, заставленной гудящими шкафами-ЭВМ. При этом Юра периодически отвлекался от статьи и обсуждал с коллегами по вычислительному центру что-то, связанное с перфокартами.

Новый этап наступил в 1981 г., когда Лесман пришел в Эрмитаж. Вначале это был Отдел музейной информатики, а с 1997 г. — отдел архитектурной археологии. И уже первые эрмитажные годы стали в научном отношении очень плодотворными. Конечно, работа над созданием музейной базы данных Эрмитажа отвлекала от собственно археологии. Но — не так сильно, как котлы и турбины. Теперь удавалось совмещать служебные обязанности с систематическим изучением археологических коллекций, благо многие из этих коллекций хранились в помещениях Эрмитажа, и до них не надо было добираться через весь город. Наконец, появилась возможность вплотную заняться любимой темой — древнерусской хронологией.

В середине 80-х годов Лесман был принят в соискатели на кафедру археологии Ленинградского университета. Но истфаковское руководство, фактически, не допустило его к экзаменам, открытым текстом указав на *неподходящую фамилию*. В сложившейся ситуации Юру поддержали коллеги из Новгородской экспедиции. В 1986 г. он стал соискателем на кафедре археологии Московского университета (научный руководитель В. Л. Янин) и в 1988 г. блестяще защитил в МГУ кандидатскую диссертацию на тему «Погребальные памятники северо-запада Новгородской земли и Новгород XI–XIV вв. (синхронизация вещевых комплексов)». К этому времени многие археологи-русисты уже приняли «хронологию Лесмана», а статья «Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород (принципы синхронизации)» (1984) надолго стала одной из самых цитируемых работ в отечественной археологической медиэвистике.

В девяностые и нулевые годы научная деятельность Лесмана достигает своего пика. Появилась возможность ездить в научные командировки — в Москву, Новгород, Псков, на Украину и в Белоруссию, в Швецию, Германию и Англию. Он — постоянный участник представительных конференций, семинаров и коллоквиумов. Из печати одна за другой выходят статьи, посвященные как традиционным для отечественной науки темам (славянский этногенез; хозяйство, расселение и погребальный обряд славян и их соседей; информативные возможности культурного слоя; североевропейские традиции в материальной культуре древней Руси), так и проблемам экзотическим (средневековая

эротика). Но центральной темой остается хронология древностей средневековой Руси, прежде всего — украшений. Лесман продолжает совершенствовать методику датирования предметов и комплексов, применяет полученные результаты для проверки хронологии новооткрытых и хрестоматийных памятников. На протяжении четверти века он является ведущим специалистом в изучении древнерусской хронологии: многочисленные ссылки на «устные консультации Ю. М. Лесмана» в работах коллег говорят сами за себя. Все ждут от Лесмана докторской защиты и издания монографии, посвященной хронологии ювелирных изделий средневекового Новгорода. Однако и защита, и завершение книги все время откладываются. Лесман не признает формулу «лучшее враг хорошего»: он продолжает постоянно совершенствовать рукопись и никак не может поставить точку. Кроме того, много времени отнимают проблемы, напрямую с докторской не связанные — раскопки памятников Нового времени в Петербурге, градозащитная и общественно-политическая деятельность, преподавание на кафедре музееведения философского факультета СПбГУ и на кафедре урбанистики и городской среды СПбГАСУ.

Интерес к археологическому изучению памятников Нового времени появился у Лесмана, на самом деле, еще в студенческие годы, когда на заседаниях славяно-варяжского семинара мы неоднократно обсуждали так называемую «проблему 1700 года». Дело в том, что в 70-е годы памятники XVIII–XIX вв. археологическими «не считались». Верхней хронологической границей археологии признавался 1700 год (как постановили в середине XIX в. путем голосования члены Русского археологического общества), и большинство археологов, проводивших раскопки в средневековых русских городах, сдирали слои Нового и Новейшего времени при помощи землеройной техники. Нас же, тогда совсем мальчишек, это решительно не устраивало. Явочным порядком изучение отложений XVIII–XIX вв. началось только в конце 70-х и в 80-е годы при проведении спасательных раскопок в Пскове (и то — не на всех раскопах). Лесман в те годы неоднократно приезжал на выходные в Псков, принимал активное участие в обсуждении методики исследований и первых результатов раскопок. Но в систематическом изучении памятников XVIII–XIX вв. сам он принял участие только в нулевые годы, когда во дворах Эрмитажа и на Дворцовой площади Санкт-Петербурга проводились работы по прокладке новых коммуникаций. Результатом этих работ стало не только открытие следов застройки берега Невы в XVIII в., но и новые данные по истории строительства Зимнего дворца и Нового Эрмитажа.

В те же годы началась и активная градозащитная деятельность Лесмана. Он был среди тех, кто требовал пересмотреть проект магазина «Стокманн» на углу Невского и Знаменской (ныне ул. Восстания), защищал остров Новая Голландия, в раскопках которого принимал участие, боролся против строительства на Охте газпромовской башни и за сохранение остатков крепостей XIII–XVII вв. на Охтинском мысу. При этом участие Лесмана не сводилось к участию в митингах протеста и подписанию коллективных писем в защиту памятников. Вместе с коллегами он принимал участие в составлении экспертных заключений для судебных процессов, проводил тщательное текстологическое изучение так называемых «экспертиз», составлявшихся нанятыми Газпромом «экспертами», и блистательно демонстрировал их полную несостоятельность.

Еще больше времени в 90-е и нулевые годы занимала активная общественно-политическая деятельность. Сколько я знал Лесмана, он всегда был очень политизированным. Помню, как в 89-м мы вместе с друзьями и коллегами принимали участие в агиткампании Г. С. Лебедева, баллотировавшегося в Ленсовет, как вместе ходили на митинги. В дни путча в августе 91-го Лесман вместе с женой, И. А. Левинской, дежурили у стен Мариинского дворца, на защиту которого умчались тогда из Пскова почти все участники моей экспедиции (через несколько дней, когда путч провалился, вернулись докапывать). А начиная с рубежа 80–90-х годов, когда среди прочих политических партий и движений резко активизировались разного толка национал-экстремисты, Лесман начал методично фиксировать процесс зарождения в Питере фашизма — он бывал на митингах националистов, практически ежедневно просматривал националистические газеты и брошюры на лотках вдоль заклеенного агитматериалами деревянного забора у Гостиного двора (в Питерской микротопонимике 90-х — «Стена плача»), регулярно обходил центр Санкт-Петербурга и отклеивал со стен и водосточных труб самодельные листовки. В результате за десятилетие целенаправленных поисков был собран уникальный архив, насчитывавший несколько тысяч единиц хранения (в начале нулевых передан в Музей политической истории России). Другим результатом стали статьи в антифашистском журнале «Барьер» (который в 90-е годы Лесман издавал вместе с друзьями), а также неоднократное проведение экспертиз в рамках уголовных дел в отношении национал-экстремистских группировок (к экспертной деятельности Лесман и Левинская активно подключились после убийства в 2004 г. членами неонацистской банды Боровикова — Воеводина этнографа, антифашиста и правозащитника Н. М. Гиренко). А на последних президентских выборах в 2012 г. Лесман и Левинская были наблюдателями на одном из участков в Московском районе Санкт-Петербурга, где зафиксировали фальсификации при подсчете голосов и по этим фактам написали заявления в Следственный комитет и прокуратуру.

Лесман был человеком яркого критичного ума, редкой доброты и большого мужества. В полном смысле слова, *chevalier sans peur et sans reproche*. «Культурный герой», — как сказала одна из коллег, работавшая бок о бок с Лесманом на раскопках. Трудно осознать, что его нет. Но еще будут выходить из печати его статьи. Будет, я уверен, опубликован и главный труд его жизни — книга «Хронология ювелирных изделий Новгорода». А сам Лесман навсегда останется с нами. В нашей памяти.

С. В. Белецкий